

2. Мануил (Лемешевский В.В.), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно). Erlangen, 1979–1989. Т.2. С. 409.

3. Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России / Составитель И.И. Осипова // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С.67–69, 180.

4. НА РС(Я). Ф.386.вон. 1–2. архив исследовательских обществ «САХА Кэскилэ» и Общества изучения ЯАССР в 1926–1928 гг.

5. НА РС(Я). Ф.468. оп.1.

6. ГАРФ. П-50648 (1920 г.).

7. Самарина-Чернышева Е. Александр Дмитриевич Самарин. Машинопись.

Диакон Илья Соловьев, к.бог., к.и.н.
(Крутицкое подворье)

«ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ» РАСКОЛ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1932 г.

(по материалам протоколов обновленческого Синода)

«Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922–1946) был создан усилиями советской власти для разделения Церкви на противостоящие группировки, ослабления ее влияния на народ и создания условий для ее внутреннего разложения.

При помощи завербованных учреждениями политического сыска священнослужителей, вошедших в руководящие органы «обновленческой церкви», большевики пытались опорочить патриарха Тихона (Беллавина) и объединившееся вокруг него духовенство, а также занимаемую ими церковную позицию. Но, несмотря на направленные на углубление раскола усилия государственной власти, в среде самих обновленцев, как пишет об этом в своих неопубликованных записках один из главных руководителей чекистской политики в отношении Церкви Е.А. Тучков, почти всегда имелось движение за присоединение к тихоновцам. Стремление к уврачеванию раскола наблюдалось и в патриаршей Церкви. Такие примиренческие настроения не устраивали власти и потому для углубления внутрицерковного кризиса на первом этапе раскола они поощряли проведение обновленцами некоторых реформ, способных еще в большей степени расколоть церковное единство. Боясь подлинного обновления Церкви, большевистское руководство хотело навязать ей такие преобразования, которые навсегда опорочили в сознании большинства духовенства и мирян самую идею церковного обновления, понимаемого в том смысле, как об этом говорилось на Великом Московском Соборе 1917–1918 гг. и особенно в предшествующий Собору период. Такими неприемлемыми для церковного сознания реформами советских обновленцев были, например, ликвидация монастырей, второбрачие и даже третий брак для духовенства, радикальное изменение богослужебного чина. Внедрением этих непродуманных реформ большевики в общем и целом выполнили важнейшую часть своего стратегического плана по расколу в Церкви.

Провозгласив свою преемственность с дореволюционным движением за церковное обновление, деятели раскола бросили тень и на это движение, шедшее в церковном русле и провозглашавшее необходимость восстановления канонического соборного строя в Православной Российской Церкви. По существу в результате деятельности обновленцев среди определенной части церковного сообщества возобладала настроенность, свойственная старообрядцам. Как писал в свое время епископ Александр (Семенов Тянь-Шанский), обновленческий раскол нанес Церкви вред не только предательскими действиями многих его членов, разделением, но и опасными последствиями, которые могут иметь еще силу и в будущем. «...Совершенно необдуманные новшества, которые пытались внести в Церковь «обновленцы», настраивают многих и сегодня против возможности всяких церковных реформ, усиливая излишнюю косность». Более того, «обновленчество» «...может вызвать и в будущем оппозицию даже самым законным изменениям церковной жизни»¹.

¹ Александр (Семенов Тянь-Шанский), епископ. А. Краснов-Левитин. «Лихие годы» // Вестник РХД. 1977. № 122. С. 79.

Возникшие на первом этапе раскола группировки («Живая церковь» во главе с протоиереем Владимиром Красницким, «Союз церковного возрождения» во главе с епископом Антонином, «Союз общин Древле-Апостольской Церкви» (СОДАЦ) во главе с протоиереем Александром Введенским) поначалу были выгодны большевикам, стремившимся разделить и самих раскольников. Однако в преддверии обновленческого собора 1923 года власти пошли на фактическое упразднение группировок и создание единого, по возможности сплоченного центра церковной оппозиции, необходимого для консолидации «обновленцев» для единодушного осуждения патриарха Тихона и «церковной контрреволюции». Таким центром стал «Священный Синод Российской Православной Церкви», созданный на заседании Пленума обновленческого Высшего Церковного Совета 8 августа 1923 г. Одновременно было принято решение о создании печатного органа Синода — «Вестника Священного Синода Православной Российской Церкви»².

«Синодальный период, — пишет об этом этапе обновленческого раскола А.Э. Левитин-Краснов, — был <...> полным вырождением обновленческой идеи»³. Под руководством Синода был взят курс на постепенное свертывание большинства «реформ», провозглашавшихся обновленческими группами с мая 1922 г. Свертывание программы «церковных преобразований» также отчасти диктовалось внешними обстоятельствами — позицией большевистского руководства, стремившегося на этом этапе к консолидации обновленческих рядов, а также желанием деятелей раскола привлечь на свою сторону верующих, недовольных самочинными церковными преобразованиями.

Деятельность «обновленческого» Синода регулировалась положениями, принятыми на соборе 1925 г. Она продолжалась вплоть до 1935 г., когда по решению властей Синод был упразднен.

Важнейшими источниками по истории деятельности обновленческого Синода являлись органы обновленческой периодической печати, в частности, «Вестник Св. Синода», прекративший свое существование в 1931 г. Собственно архив Синода, хранившийся у обновленческого митрополита А. Введенского, был после его смерти изъят органами госбезопасности и через несколько лет уничтожен⁴. Таким образом, о деятельности Синода в заключительный период его существования (с 1932 г. по 1935 г.) мы можем судить лишь по косвенным данным. В связи с этим обнаружение протоколов заседаний Синода за 1932 г. является важной находкой, позволяющей нам полнее представить себе историю обновленческого раскола в 1930-е гг., да и историю всей Русской Православной Церкви в этот период. С полным основанием можно говорить, что протоколы Синода за 1932 г. содержат много интересных исторических данных для характеристики церковной жизни этого периода.

Машинопись протоколов Синода за 1932 г. ныне хранится в библиотеке Московских духовных школ. Она принадлежала в свое время профессору С.М. Зарину — секретарю обновленческого Синода и руководителю синодального архива. С.М. Зарин умер в 1935 г. О принадлежности машинописи Зарину говорят пометки, сделанные его рукой на рукописи и его подпись.

Итак, что дают нам протоколы Синода как источник по истории Русской Церкви?

В 1932 г. обновленчество все еще представляло собой достаточно мощную организацию, разделенную в масштабах СССР на три центра управления — Российский, Всеукраинский и Белорусский Синоды. В 1932 г. в обновленчестве было совершено 12 архиерейских хиротоний и намечено к посвящению еще 5 кандидатов. В том же году скончалось 11 епископов, некоторые из которых были еще дореволюционного поставления. В том же году Синод за отречение от священного сана лишил всех степеней священства 1 епископа, 8 священников и 3 диаконов. Кроме того, с 10 священников и 2 диаконов был снят сан по их собственному прошению (иногда ренегаты просили и о выдаче им соответствующего удостоверения), 1 епископ был извержен из сана по дисциплинарным мотивам, 1 священник за «преступную деятельность и контрреволюцию», 1 священник за переход в «тихоновщину»,

² С 1927 г. — «Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР».

³ Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 343.

⁴ Архив Синода неоднократно перевозился обновленцами с одного места на другое, а именно в ноябре 1929 г. с Троицкого подворья в помещение под храмом Христа Спасителя, после его закрытия — в июне 1931 г. в храм св. Петра и Павла на Н. Басманной улице. В феврале 1934 г., после закрытия Петропавловской церкви, в арендуемое Синодом помещение в Сокольниках. Отсюда он был вывезен КГБ и затем уничтожен.

1 диакон за пьянство и предосудительное поведение. Всего по дисциплинарным мотивам было лишено сана 28 человек, в том числе 2 епископа (Гервасий Малинин за похуление Бога и Викентий Никипорчук по дисциплинарным мотивам), 20 священников и 6 диаконов. В том же году были восстановлены в сане 9 человек, в том числе епископ Викентий Никипорчук согласно его просьбе. Большинство (8 человек) были восстановлены в сане как лица, лишённые ранее сана за нарушение брачного права.

Как следует из протоколов Синода, в 1932 г. продолжался переход в обновленчество священнослужителей и приходов из патриаршей Церкви. О масштабах этого явления дают представление следующие данные.

В 1932 г. принято из староцерковничества:

Общин – 100

Священнослужителей – 63, в том числе священников – 54, диаконов – 9.

В том числе из Ивановского ОМЦУ – общин – 59; священнослужителей – 47, (священников – 40, диаконов – 7). Здесь следует подчеркнуть, что речь идет о данных без учета Украины и Белоруссии.

В том же году по решению обновленческого Синода было закрыто 7 обновленческих епархий (Каменская, Павлодарская, Акмолинская, Львовская, Ирбитская, Тобольская, Вольская) и 2 викариатства (Мелекесское Ульяновской епархии и Николо-Уссурийское).

Протоколы Синода позволяют составить представление о положении обновленчества в отдельных епархиях. Так из доклада обновленческого митрополита Западной области Михаила (Князевского) о состоянии Западной Митрополии следует, что в 1932 г. в Смоленской епархии действовало 52 прихода, в Брянской до 60, в Великоустюжской до 100, в Кливцовской 46, в Викариатстве Бельском 14. По сравнению с годами 1929 и 1930 количество приходов сократилось на 50 %. Главные причины такого сокращения митрополит Михаил Князевский видел в финансовой несостоятельности общин и недостатке кандидатов священства. По данным доклада Князевского в 1932 г. к обновленцам присоединилось целое Ново-зыбковское благочиние (12 церквей), а так же – единственная церковь в Сухиничах. Были присоединения к обновленцам в Ржевской и Вяземской епархиях.

9 марта 1932 г. в Синоде был заслушан доклад обновленческого митрополита Белорусского Даниила (Громовенко). Здесь приведены некоторые статистические данные о положении обновленчества в Белоруссии. Из них видно, что в Минской епархии имелось 23 прихода при семи священниках, в епархиальном городе сохранился кафедральный собор. Далее митрополит Даниил сообщает, что Оршанская епархия не имеет кафедрального собора и в настоящее время вакантна. В ней 27 приходов при одиннадцати священниках. В Могилевской епархии закрыты оба кафедральных собора, архиепископ служит при кладбищенской церкви, епархия имеет 15 священников. В Гомельской епархии также нет кафедрального собора, архиепископская кафедра находится при кладбищенской церкви, священников 15. В Мозырской епархии нет епископа, хотя Епархиальное управление существует. В Бобруйско-Рогачевской епархии служит четыре обновленческих священника. В Слуцке нет ни одного обновленческого прихода, ни кафедрального собора. В Витебской епархии также нет кафедрального собора, но в городе имеются две приходских церкви. В епархии действует 37 приходов при двенадцати священниках. В Полоцкой епархии кафедрального собора нет, епископская кафедра находится при приходском храме. В епархии служит восемнадцать священников. Чаусское викариатство Могилевской епархии состоит всего из 4 священников.

Из приведенных в протоколах данных также видно, что в некоторых городах СССР в описываемый период обновленцы имели большинство церквей от общего числа всех действующих храмов. Так, например, в Тамбове из 5 приходов три были обновленческими, всего в епархии уцелело 25 храмов, ощущался недостаток духовенства. В Иванове из 4 действующих церквей 3 принадлежало обновленцам, а митрополия насчитывала 340 приходов, т.е. примерно 50 % от общего числа действующих на этой территории церквей. В некоторых епархиях, напротив, обновленчество фактически угасло. Так, например, в Закавказском Окружном митрополитанском управлении насчитывалось всего 5 обновленческих церквей, в трех из которых не совершалось богослужения из-за отсутствия священников. В Пензе существовал всего один обновленческий храм на Мироносицком кладбище, в Курской епархии, где за 10 лет сменилось 18 обновленческих архиереев в епархиальном городе было

4 прихода и 21 храм в других населенных пунктах епархии, тогда как у староцерковников имелось 200 церквей. В Костромской епархии было 26 обновленческих церквей, причем в самой Костроме было 2 прихода, в Рыбинске действовал 1 приход в городе и 50 в епархии.

Есть в протоколах и несколько неожиданные для историков сведения. Так, например, в рапорте Синоду из Нижегородской епархии сообщалось, что в с. Боровкове Лебяжского района закончилось строительство новой церкви, но местные власти, дождавшись окончания работ, заявили, что храм будет отобран у верующих под школу. В связи с этим рапортом Нижегородского МЦУ юридический отдел Синода рекомендовал церковному совету с. Боровкова направить ходяков во ВЦИК с просьбой сохранить храм за общиной.

Из протоколов следует, что многие священнослужители-обновленцы имели тяжелое материальное положение, отчего обращались в Синод с просьбой о материальном пособии. С такими прошениями обращались даже обновленческие епископы. В большинстве случаев эти просьбы Синодом удовлетворялись.

Многие обновленческие епископы подвергались перемещениям, о которых часто просили сами из-за своего тяжелого материального положения. Значительное число архиереев служили настоятелями приходов иногда даже в сельской местности, а в Москве, например, епископа рекомендовали на должность настоятеля крохотной часовни при храме Успения в Печатниках.

В 1932 г. в столице действовало несколько часовен, в свое время отданных обновленцам «на кормление». К их числу относились Иверская часовня. Известно, что в 1926 г. в ведении обновленцев в Москве числилось 5 часовен: Иверская у Воскресенских ворот, св. Николая на Никольском рынке, св. Николая у Каменного моста, Спаса Всемилового близ Москворецких ворот, Пантелеимоновская (б. Пантелеимонова монастыря) у Владимирских ворот Китай-города, (разрушена в связи со строительством метрополитена в 1934 г.) и Серафима Саровского на 1-й Мещанской улице (ныне проспект Мира). В протоколах Синода упоминается четыре часовни — Св. Василия Кессарийского, Иверская, Пантелеимоновская и при храме Успения в Печатниках. Синодальным собором являлся храм св. Николая.

Протоколы обновленческого Синода позволяют нам еще определеннее составить представление об отношении «обновленцев» к реформам, в частности, к вопросу о введении русского языка за богослужением и реформе богослужебного чина.

Впервые на заседаниях обновленческого Синода в 1932 г. заговорили о проблеме богослужебного языка в феврале месяце в связи с поступившим в Синод рапортом Орджоникидзенского епархиального управления (ЕУ) с предоставлением протокола расширенного Пленума ЕУ, в котором «фиксируется суждение о желательности и своевременности на 10-м году существования обновленческого движения в Православной Русской Церкви введения всем доступного и понятного русского языка при совершении богослужений и требоисправлений». На Пленуме было постановлено: «1/ Рекомендовать всему духовенству Орджоникидзенской епархии примкнуть к этому обновленческому движению введения русского языка в чины богослужения и требоисправления с предварительной надлежащей к тому подготовкой верующих масс; 2/ желательно также опыт чтения вслух Евхаристического канона, уже принятый в некоторых приходах Орджоникидзенской епархии, расширить и там, где к тому представляется возможность ввести в богослужебную практику».

В связи с этим обращением Синод определил, что «основным богослужебным языком должен оставаться славянский язык и принятый порядок богослужения не должен нарушаться. — Отступления во внимание к местным запросам могут быть допущены только с большою осторожностью и лишь в виде исключения».

2 марта 1936 г. митрополит Александр Введенский сделал на заседании Синода специальный доклад, в котором указал, что на протяжении десятилетнего существования Синода совершение богослужения на славянском языке было правилом. «Славянское богослужение, — заявил Введенский, — является незыблемой основой обновленчества. Мы сохранили верность богослужебным традициям отцов и, благодаря, в значительной мере, этому, наше движение сделалось столь широким в церкви. Всякая ломка богослужения, в частности замена русским, чревата последствиями, отпугивает широкие церковные массы. Русский язык, как показал опыт, удовлетворяет только небольшие группы особых любителей этого языка. Между тем в ряде епархий русский язык самотеком, без благословения Св. Си-

нода, в переводах некомпетентных и, во всяком случае, не апробированных Св. Синодом лиц, стал входить в употребление». В связи с этим докладом Синод вынес следующее циркулярное постановление (№ 1113 от 2 апреля 1932 г.):

«ПОСТАНОВИЛИ: 1/ Богослужение во всех храмах должно совершаться на славянском языке. При этом никаких отступлений от прежнего текста (в виде чтения вслух тайных молитв и т.п.) не должно быть.

2/ Русский язык может быть допущен в тех храмах, где, по особым и достаточно веским основаниям, Епархиальное Управление находит это нужным, учитывая не только желание группы любителей русского языка, но и обще-епархиальное положение обновленчества.

3/ Во всех таких храмах богослужение на русском языке совершается по специальному благословию Св. Синода.

4/ Текст русского перевода, который берется в употребление в этих храмах, должен быть утвержден к местному употреблению Св. Синодом.

5/ За точное выполнение настоящего циркуляра ответственность возлагается персонально на Епархиального Архиерея. О сем циркулярно сообщить Областным и Краевым МЦУ к исполнению».

Впоследствии Синод неоднократно требовал неуклонно соблюдать это постановление, на что обращалось внимание, например, в связи с годовым отчетом за 1931 г., поступившим из Терской епархии.

Постановление Синода о языке и богослуженной практике можно сравнить с современными описываемому времени аналогичными решениями Московского Патриархии. Так Постановлением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Св. Синода от 10 апреля 1930 г. за № 69 определялось, что «допущение русского языка в богослужении (в виду бывших при покойном Святейшем Патриархе (Тихоне — *д. И.С.*) примеров) не встречает препятствий, но необходимо общий порядок и чин богослужения перевести в согласие с общепринятым в православных церквях Уставом»⁵.

В ходе подготовки празднования 10-летнего юбилея обновленчества А.И. Введенский считал необходимым вернуться к вопросу о богослужении в своем юбилейном докладе. Из тезисов мы видим, что фактический идеолог «советского обновленчества» считал богослужение «внутренней жизнью в Боге, при неизменности классических форм». Введенский считал необходимым «творчество в богослужении», «но при условии апробации общецерковным сознанием» и в этом смысле рассматривал вопрос о русском языке. В то же время из протокола от 30 марта мы видим, что при Синоде продолжала действовать переводческая комиссия, в которой протопресвитер Александр Боярский осуществлял перевод на русский язык Часослова. В 1932 г. эта работа была закончена и на повестке дня стоял вопрос о вознаграждении А. И. Боярскому за понесенные им труды. Переводом богослужения на русский язык занимались и другие обновленческие деятели. Так, например, одним из главных «идеологов» введения русского языка в богослужении был нижегородский протоиерей Василий Адаменко. В 1931 г. о. Адаменко принес покаяние в грехе раскола и был принят в Московскую Патриархию Нижегородским митрополитом Сергием (Страгородским). Митрополит Сергей поддерживал инициативу о. Адаменко, дав ему благословение на служение на русском языке при открытых Царских вратах, а также на чтение Священного Писания лицом к народу в соответствии с практикой ряда Поместных Православных Церквей и «в виде исключения» на чтение тайных литургических молитв вслух⁶. 9 декабря 1932 г. протоиерей Василий Адаменко был арестован в Нижнем Новгороде и до 1934 г. отбывал наказание в Вишерских лагерях. В связи с арестом о. Василия на приходе в храме св. пророка Илии в Нижнем Новгороде, где он был настоятелем, возникли нестроения. 23 января обновленческое Нижегородское ВЦУ сообщало о беспорядках в общине Нижегородского Ильинского храма в связи с арестом протоиерея Адаменко, «выявивших совершенно нездоровые, в духе автокефализма и даже прямого сектантства, уклоны исполнительного органа Ильинской общины, под влиянием главным образом В.И. Абаимова». В связи с этим обновленческий митрополит Нижегородский Иоанн (Миртов) предлагал исключить из числа обновленческой ориентации Приходской Совет церкви, а В. Абаимова исключить из числа членов ЕУ и Новгородского митрополитанского церковного управления. Особо оговаривалась

⁵ Журнал Московской Патриархии. 1931. № 5.

⁶ См.: «Обновленческий» раскол... С. 995.

необходимость изъятия из Ильинского храма архиерейских облачений, св. мира и пишущей машинки и возвращения прихода в юрисдикцию обновленцев. 28 марта 1932 г. Нижегородское обновленческое ЕУ сообщило в Синод, «что Ильинский Храм в Нижнем Новгороде 28 февраля с. г. передан обновленческой группе той же Ильинской Общины и с ходатайством утвердить названный Храм КАФЕДРАЛЬНЫМ СОБОРОМ и разрешить совершение служб на русском языке, согласно желанию обновленческой группы, взявшей Ильинский Храм». Это предложение Синодом было принято и общине храма, «в виду особых обстоятельств» было разрешено совершение богослужений на русском языке.

Однако вопрос о переводе богослужения продолжал волновать приходские общины и Епархиальные управления. 25 февраля Орджоникидзенское ЕУ сообщило Синоду, «что в епархии никаких изменений принятого порядка богослужения, кроме чтения вслух при открытых царских вратах евхаристического канона, не допускается и что основным богослужбным языком остается славянский язык». В ответ Синод предложил ЕУ «строго наблюдать, чтобы литургия совершалась в точном согласии с тем порядком, какой установлен Служебником». 30 июня 1932 г. Пятигорское ЕУ возбудило перед Синодом вопрос о благословении к употреблению в Пятигорском Спасском соборе совершения литургии с чтением тайных молитв, по переводу протоиерея Василия Адаменко с рядом исправлений и с оставлением песнопений и ектеньи на славянском языке, а также чтения на всенощных шестопсалмия по синодальному переводу и канона по авторитетному переводу проф. Ловягина». Если перевод прот. В. Адаменко не может быть одобрен, то ЕУ просило благословить служить литургию по переводу обновленческого митрополита Антонина (Грановского). В связи с этим запросом Синод постановил разъяснить Пятигорскому ЕУ, что он «принципиально одобряет и благословляет употребление русского языка в Богослужении, — там, где это представляется целесообразным по местным запросам и потребностям. Однако Синод должен констатировать, что до сих пор, к сожалению, не имеется удовлетворительного перевода Богослужения, особенно литургии, на русский язык. Обычно употребляющиеся переводы (Антонина Грановского, В. Адаменко, Жукова) страдают многими существенными недостатками, из коих самым главным является то обстоятельство, что они представляют собой не перевод, но переложение канонизированного текста Божественной Литургии. В частности, перевод В. Адаменко содержит в себе многие произвольные дополнения, не согласные даже с духом православного обновленчества (ектения об оглашенных, каковую лучше совсем опустить, чем предлагать в переводе В. Адаменко и др.). Принимая все это во внимание, Св. Синод, благословляя совершение литургии в Пятигорском Спасском соборе на русском языке, предлагает Преосвященному Иоанну (Острогорскому) взять на себя труд по выработке текста этого перевода, — с устранением из текста литургии В. Адаменко добавлений и изменений, по сравнению с канонизированным текстом литургии Св. Иоанна Златоуста, и воспользоваться при установлении текста русского перевода опытами переводов, данных в изданиях Св. Златоуста при прежней СПб Духовной Академии. Таковой опыт, по его завершении, Св. Синод предлагает прислать в Св. Синод для проверки, поскольку юбилейный Пленум Св. Синода одной из задач поставил Пленуму Св. Синода руководство и апробацию опытов перевода богослужения на русский язык, с тем, чтобы в результате, по тщательном обсуждении и испытании, был выработан апробированный русский текст для употребления во всех обновленческих храмах».

18 июля 1932 г. разрешение совершать богослужение на русском языке было дано также причту Вознесенского Сальского собора Северо-Кавказского краевого митрополитанского церковного управления.

Таким образом, протоколы обновленческого Синода подтверждают сделанный современными исследователями А.Г. Кравецким и А.А. Плетневой вывод о том, что «обновленчество является, в первую очередь, политическим, а не реформаторским течением. Продуманной программы исправления или перевода богослужбных книг обновленцы не выработали»⁷. Суждения об обновленцах как о реформаторах в областях литургической жизни в значительной степени покоятся на историческом мифе.

В заключение также хотелось бы обратить внимание на прослеживающееся по протоколам частое перемещение обновленческого епископата с одной кафедры на другую, а так-

⁷ Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. История церковно-славянского языка в России. Конец XIX—XX в. М., 2001. С. 180.

же на то, что в связи с 10-летним юбилеем «обновленчества» в 1932 г. в расколе шло активное награждение епископов и клириков. В ряде случаев шло награждение весьма необычными наградами, как, например, правом клириков осенять во время богослужения молящихся дикирием и трикирием. Интересно заметить, что обновленчество ввело в церковную жизнь неслыханную прежде в Русской Церкви практику награждения викарных епископов титулом архиепископа.

*Кравецкий А. Г., к. фил. н.
(Институт русского языка РАН)*

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБНОВЛЕНЦЕВ*

Инспирированный властями обновленческий раскол, вне всякого сомнения, сыграл разрушительную роль. Вплоть до сегодняшнего дня все, что связано с обновленчеством, вызывает столь сильное неприятие, что любая идея, так или иначе ассоциирующаяся с этим движением, оказывается скомпрометированной. Между тем для истории миссионерства опыт обновленчества оказывается очень важным. Дело в том, что обновленцы были единственной церковной группировкой, которая в 20–30-е годы могла легально заниматься миссионерской деятельностью. Обновленцы имели возможность, пусть и в ограниченном объеме, проводить лекции и диспуты, издавать журналы и открывать учебные заведения. Конечно же, масштаб этих возможностей не стоит преувеличивать, однако факт остается фактом: именно обновленцам пришлось создавать миссионерские структуры и выработать методы миссионерской работы в новых условиях.

В 20-е годы возможность использования дореволюционного опыта миссионерской работы оказалась весьма ограниченной. Главным отличием было то, что теперь государство было не союзником миссионеров, а их противником. Власти терпели и даже поддерживали обновленцев лишь постольку, поскольку они противостояли Патриаршей Церкви. И власти были готовы допустить письменную и устную проповедь обновленцев, поскольку она была направлена на углубление раскола. Антисектантская миссия, а в особенности борьба с неверием в планы властей, естественно, не входили.

В миссионерских выступлениях обновленцев, как, впрочем, и во всем движении, мы видим определенную двойственность. С одной стороны, обновленцы пользовались возможностью открыто отстаивать права религиозного мировоззрения на существование, а с другой – в число миссионерских задач была включена и «антитихоновская миссия», то есть прямая апология раскола. При этом власти тщательно следили за тем, чтобы гастролирующие обновленческие лекторы полемизировали с тихоновцами, а не с атеистами.

Обновленцы-апологеты

Наиболее эффективной формой полемики с атеистами, несомненно, были публичные диспуты. Конечно же, в этих диспутах принимали участие не только обновленцы, однако, вне всякого сомнения, им удалось провести на порядок больше диспутов, чем представителям других церковных группировок¹.

Диспуты и публичные выступления Александра Введенского, несомненно, были событиями не только церковной, но и культурной жизни страны. Судя по многочисленным мемуарам, Введенскому удавалось брать верх даже в споре с таким серьезным противником, как А. В. Луначарский. Вот как описывает один из таких диспутов посетивший Москву Мишель Д'Эрбиньи: «Странное зрелище представляла эта атеистическая толпа, которую покорял силою своего слова епископ. Шесть раз вырывал он ее почти единодушные аплодис-

* Настоящий доклад подготовлен на основе материалов книги «Между проповедью и диалогом. Церковная миссия в эпоху культурных перемен», которая должна появиться в издаваемой Круглым столом по религиозному образованию и диаконии книжной серии «Церковные реформы. Дискуссии в Православной Российской Церкви начала XX века (Поместный Собор и предсоборный период)». Работа выполнена при поддержке итальянского фонда Russia Cristiana.

¹ О поездках А. И. Введенского по стране см.: Александр Введенский, *мемр.* На передовых позициях // Вестник Священного синода (далее – ВСС). 1926. № 12–13, 98–99. С. 20–24